

СОРВИГолова

ЧЕЛОВЕК БЕЗ СТРАХА

СОРВИГолова

ЧЕЛОВЕК БЕЗ СТРАХА

DD

ПОЛ КРИЛИ

АДАПТАЦИЯ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА
ФРЭНКА МИЛЛЕРА И ДЖОНА РОМИТЫ-МЛАДШЕГО

MARVEL

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
K82

DAREDEVIL: THE MAN WITHOUT FEAR

Paul Crilley

Originally published in the English language
by MARVEL WORLDWIDE, INC.,
A subsidiary of MARVEL ENTERTAINMENT, LLC.,
under the title Daredevil: The Man Without Fear Prose Novel

VP, PRODUCTION & SPECIAL PROJECTS: JEFF YOUNGQUIST
ASSOCIATE EDITOR, SPECIAL PROJECTS: CAITLIN O'CONNELL
MANAGER, LICENSED PUBLISHING: JEFF REINGOLD
SVP PRINT, SALES & MARKETING: DAVID GABRIEL
EDITOR IN CHIEF: AXEL ALONSO
CHIEF CREATIVE OFFICER: JOE QUESADA
PUBLISHER: DAN BUCKLEY
EXECUTIVE PRODUCER: ALAN FINE
DESIGN BY NELSON RIBEIRO
INTERIOR ART BY DAVID MAZZUCHELLI, JOHN ROMITA JR.
and AL WILLIAMSON
COVER ART BY EDUARD PETROVICH

Печатается с разрешения компании *Marvel Characters B.V.*

Крилли, Пол.

K82 Сорвиголова: Человек без страха : [роман] / Пол Крилли; перевод с английского Юрия Павлова. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Вселенная Марвел).

ISBN 978-5-17-099743-5

Мэтта Мёрдока воспитывал отец-одиночка — стареющий боксер, последний бой которого должен был стать венцом его карьеры, а в итоге стоил ему жизни. Все детство Мэтт сносил насмешки и издевки одноклассников, пока его жизнь бесповоротно не изменил один эпизод: спасая незнакомого старика, он ослеп от радиации. Но нет худа без добра — в результате несчастного случая все остальные чувства Мэтта невероятно обострились, а его несгибаемая воля и острый ум помогли ими управлять. История Мэтта — это история о любви, страдании, обманутых надеждах и невероятной силе духа. Узнайте все о невероятных приключениях одного из самых популярных героев «Марвел» в новой трактовке!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099743-5

MARVEL

marvel.com

© 2017 MARVEL

Copyright © 2017 MARVEL
© Ю.Ю. Павлов, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Моим детям Белле и Калебу.
Вы — моя поддержка и опора.*

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Адская Кухня

Наши дни

СО временем боль становится лишь системой подсчета очков, постоянным напоминанием о том, скольким людям ты перешел дорогу.

Сегодня Мэтт Мёрдок перешел дорогу *многим*.

Поморщившись, он переворачивается на другой бок. Левая щека едва не примерзла к окровавленному снегу. Это единственная часть его тела, которая не взрывается приступами боли, и он концентрирует на ней все свое внимание. Он весь изранен, изрезан, его кости переломаны, включая пару ребер. Слышно даже, как кровь булькает в легких. Паршиво.

В голове раздается голос. *Закрой глаза. Отдохни немного.*

Мэтт закрывает глаза. Да, отдохнуть бы не помешало. Уж после таких-то передрыг отдых он заслужил.

Нет. Еще нет. Пока не заслужил.

Он медленно открывает глаза. По снежной каше бегут люди в тяжелых сапогах, неотвратно приближаясь. Слышен топот каблуков по набережной, и даже плеск и гул океана не могут его заглушить.

Мёрдок, они вооружены. Пора делать ноги.

Не выйдет. Он и пальцем не может пошевелить.

Глаза вновь закрываются. Топот все ближе.

— Вон он!

Адская Кухня

Тринадцать лет назад

— **ВОН** он!

Мэтт Мёрдок ухмыляется паре толстых копов, бегущих к нему по переулку. Они задыхаются, их форма почти почернела от пота. Мэтт и сам вспотел, но у него есть уважительная причина — на нем старая лыжная маска, скрывающая лицо.

Впрочем, надо взять это на заметку. В следующий раз, когда ему взбредет в голову поведываться перед школьными хулиганами, дабы те его не поколотили, нужно будет выбрать денек попрохладнее.

— Эй, парень... постой! — кричит один из копов.

Фамилия офицера — Лейбовиц. Мэтт встречал его в округе. Его напарник не способен выдавить из себя ни слова — его лицо побагровело, и он,

кряхтя, прислоняется к стене. Мэтт искренне желает, чтобы у полицейского не случился инфаркт — уж тогда-то ему неприятностей не избежать.

— Хватит дурачиться, — продолжает Лейбовиц. — Отдай офицеру Митчу дубинку, а то ему нечем бандитов лупить. Ну же!

Вместо ответа Мэтт прыгает на крышу мусорного контейнера, в последний момент успевая ухватиться за пожарную лестницу, чтобы не поскользнуться и не упасть вниз. В контейнере он видит гнилые овощи, тухлое мясо, сырые газеты, шприцы. А рядом, кажется, дохлая кошка. Да уж, сюда лучше не падать.

Мэтт подтягивается и лезет по лестнице к пожарному выходу.

— Освальд, я его пристрелю! — кричит офицер Митч. — Где это видано, чтоб такая мелюзга воровала полицейские дубинки?!

Мэтт оглядывается и видит, что офицер Митч и вправду достает пистолет. Испуганными глазами Мэтт шарит по сторонам в поисках пути к бегству. Переулок заканчивается тупиком, но через стену можно попробовать перелезть.

Он забирается выше, хватается за перила и переваливается через стену.

— Назад, на Девятую авеню! — кричит Лейбовиц.

Оборачиваясь, Мэтт видит, как Лейбовиц бежит по переулку обратно к Западной Пятьдесят первой. Офицер Митч все еще возится с пистолетом. Он что, всерьез решил застрелить ребенка? За кражу дурацкой палки?

Проверить это Мэтт не собирается, и, перепрыгнув через стену, аккуратно приземляется на асфальт. Теперь-то офицер Митч ему не страшен.

А вот Лейбовиц.. Не успевает Мэтт выбежать из переулка, как замечает копа на углу Пятьдесят первой и Девятой.

— Держите мальчишку!

Должно быть, Лейбовиц не из местных. Каждый здравомыслящий ньюйоркец знает, что вмешиваться в чужие дела — верный путь в могилу. Да, Мэтту всего двенадцать, но окружающие-то об этом не знают. Вдруг он псих или сбежавший из приюта несовершеннолетний маньяк? Лучше держаться от него подальше.

Развернувшись, Мэтт дает деру по Девятой авеню, петляя между празднующимися прохожими. В нос бьет запах хот-догов, жареной картошки, бургеров и бензина. Какие-то ребятишки отвинтили крышку пожарного гидранта, и теперь играют вокруг импровизированного фонтана. Взрослые тоже не против легкого душа. Мэтт пробегает под струей. Вода освежает. Он лавирует между легковушками и грузовыми фургонами, не обращая внимания на возмущенные возгласы поджаривающихся в своих автомобилях водителей. Солнце слепит глаза, блики отражаются от лобовых стекол и витрин магазинов. Мэтт щурится и едва не врезается в группу подростков, слушающих песню, которая когда-то нравилась Мэтту — но не теперь, когда ее изо дня в день гоняют на всех радиостанциях. Он быстро оглядывается. Лейбовиц продолжает погоню.

Неплохо, офицер. Пятерка с плюсом за старание. Но вам меня все равно не догнать.

Мэтт прибавляет ходу и, миновав проезжую часть, оказывается на тенистой стороне улицы. Путь Лейбовицу преграждает автобус, и когда тот наконец возобновляет преследование, Мэтт уже на Западной Пятидесятой. Он ныряет в очередной переулок, выскакивает на Сорок девятую, а там...

... можно расслабиться. Лейбовиц безнадежно отстал.

Теперь Мэтт в безопасности. Отсюда рукой подать до дома. Он бежит трусцой в самое сердце Адской Кухни. Движение здесь не такое интенсивное, а транспорт старше, потрепаннее. На тротуаре там и тут проросли сорняки. Из канализационных люков парит и воняет дерьмом и мертвечиной. Мэтт как-то сунул нос в канализационную решетку, поспорив, что продержится так минуту. Он продержался целых три, но блеванул, как только оторвался. Его мутило целый день.

Убедившись, что поблизости нет полицейских, Мэтт срывает с головы маску и сует в карман. В лицо дует ветерок — теплый и влажный, но разгоряченного мальчишку он все же охлаждает. Улыбаясь, он вновь переходит на бег, проносясь мимо школы и старой бакалейной лавки, в которую в детстве ходил еще его отец, мимо мясного магазина, где частенько отовариваются гангстеры. Наконец, он оказывается на Западной Сорок четвертой улице.

Ему удалось. Он в очередной раз выиграл пари, вернувшись с дубинкой к спортзалу. Мало радости

быть поколоченным старшими ребятами, но надо бы придумать новый способ избегать побоев. Пари становятся все более рискованными, безумными, и *если* его поймают — что, конечно, вряд ли, но вдруг — то отцу это совсем не понравится.

Воскресным вечером спортзал закрыт, но Мэтт знает лазейку. Он обходит здание, придвигает к стене старые ящики и взбирается по ним к окну раздевалки. Щеколда сломана, но никому нет до этого дела. Красть в зале нечего.

Открыв окно, Мэтт залезает внутрь, оказываясь в темной прохладной раздевалке. Надо решить, где спрятать дубинку, чтобы потом предъявить тем, кто посмеет утверждать, что он сдрейфил. Подумав немного, Мэтт открывает ближайший шкафчик и шарит рукой по дну. Деревянное днище плохо закреплено, и под ним есть дыра, куда вполне поместится дубинка.

Приладив деревянную планку на место и закрыв шкафчик, Мэтт довольно задирает голову. Это послужит его репутации, и возможно, теперь хулиганы от него отстанут.

А может, наоборот, хорошенько отмутузят, чтобы поставить на место.

Мэтт задумывается, озадаченный такой перспективой, но тут же отбрасывает ее. Теперь уже ничего не поделаешь. Он делает шаг к окну...

...и слышит смех.

Он замирает. Зал должен быть закрыт. Кто мог сюда проникнуть?

Мэтт подкрадывается к выходу из раздевалки и выскальзывает в коридор. В потемках ничего не

видно. Он осторожно нащупывает стену, чувствуя, как старая краска отслаивается под его пальцами.

Снова смех. Мэтту он не нравится. Так истерично смеются обычно хорошо знакомые ему школьные хулиганы. У двери в тренировочный зал Мэтт останавливается.

— Послушай, Джеки. Я не люблю, когда мне отказывают. Особенно когда я прошу по-хорошему.

— Это ты называешь «по-хорошему»?

Мэтт напрягается, сердце подскакивает в груди. Этот голос ему знаком.

Отец.

Мэтт заглядывает в зал. Из прожекторов над рингом в центре зала льется ослепительный свет. Все остальное во тьме. На ринге трое. Отец Мэтта на коленях, его держит здоровяк в белой футболке. Голову здоровяка венчает густая темная шевелюра — Мэтт несколько раз встречал этого типа на улице. Поговаривают, что он связан с мафией.

Третий, высокий и тощий, стоит напротив отца. При каждом движении его черные с проседью волосы мерцают на свету.

— А то. Конечно, по-хорошему. Честное слово. Лучше тебе не знать, что бывает, когда я сержусь. Слейд, ты согласен?

— Эт точно, босс.

— Вот видишь, Джеки. Местные меня уважают, и стремятся не расстраивать, — мужчина приглаживает волосы и хмурится. — А вот ты расстраиваешь.